

Научная статья
УДК 343.985.1
EDN PBNCTV
DOI 10.17150/2411-6122.2023.2.59-68

Элитарная преступность как деструктивный социальный феномен: методико-криминалистические аспекты исследования

Д.К. Григорян

Ростовский юридический институт МВД России, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
davo-davo23@mail.ru

Аннотация. В статье обращается внимание на объективное существование такого деструктивного явления, как элитарная преступность, под которым автором понимается совокупность деяний различной категории, совершенных представителями элиты (административно-управленческой, политической, интеллектуальной и др.). Признавая незавершенность формирования понятия и содержания термина «элита», продолжающуюся научную полемику в этой связи, автор счел целесообразным, аргументировано выразив собственную позицию по существу этого аспекта, сосредоточиться далее на исследовании элитарной преступности. Обращается внимание, что, несмотря на отсутствие понятия элитарной преступности в уголовном законе, научный инструментарий криминалистики, в частности, учения о криминалистической квалификации преступлений, актуализирует возможность выделения типичных категорий преступлений, совершаемых представителями элиты, в сочетании с обозначением специфических особенностей, присущих именно соответствующим видам элиты. В свою очередь, это послужит необходимым подспорьем для разработки рекомендаций по повышению результативности раскрытия и расследования элитарных преступлений.

Ключевые слова: элита, элитарная преступность, элитарные преступления, политическая элита, правящая элита, административно-управленческая элита, криминалистическая классификация, криминалистическая характеристика преступлений, противодействие расследованию.

Для цитирования: Григорян Д.К. Элитарная преступность как деструктивный социальный феномен: методико-криминалистические аспекты исследования / Д.К. Григорян. — DOI 10.17150/2411-6122.2023.2.59-68. — EDN PBNCTV // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2023. — № 2. — С. 59–68.

Original article

Elite Crimes as a Destructive Social Phenomenon: Methodological-Criminalistic Aspects of Research

D.K. Grigoryan

Rostov Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Rostov-on-Don,
the Russian Federation, davo-davo23@mail.ru

Abstract. The article draws attention to the destructive phenomenon of elite crime understood as the aggregate of actions of different categories committed by representatives of the elite (administrative-managerial, political, intellectual, etc.). The author, recognizing that the concept and content of the “elite” have not been fully formed yet and are still being debated in the research community, thought it

necessary to present arguments in support of his own position on this issue and then focus on researching elite crime. It is stressed that although the concept of elite crime is lacking in criminal law, the research instruments of criminalistics, specifically, the theory of the criminalistic classification of crime, makes it possible to single out typical categories of crime committed by representatives of the elite together with specific features characteristic of the corresponding types of the elite. In its turn, it provides necessary support for developing recommendations on improving the effectiveness of investigating and solving elite crimes.

Keywords: elite, elite crime, political elite, ruling elite, administrative-management elite, forensic classification, forensic description of a crime, counteraction to the investigation.

For citation: Grigoryan D.K. Elite Crimes as a Destructive Social Phenomenon: Methodological-Criminalistic Aspects of Research. *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2023, no 2, pp. 59–68. (In Russian). EDN: PBNCTV. DOI: 10.17150/2411-6122.2023.2.59-68.

Введение

На протяжении всей истории развития государства в структуре населения выделялась такая специфическая категория лиц, как элита, изначально отличавшаяся более высоким уровнем образования, кругозора, компетентности, доступом к управленческим ресурсам, наличием разнообразных социально значимых связей в государственно-властных органах, коммерческих структурах, среди творческой интеллигенции и т.п. Исходя из совокупности обозначенных качеств, представителям элиты зачастую присуще более глубокое и многогранное понимание сути происходящих в обществе противоречивых, далеко не всегда очевидных процессов и трансформаций. Закономерно, что элита, во всем ее многообразии, оказывает колоссальное влияние на развитие различных инфраструктур общества, формируя те или иные социальные тенденции, идеи, общественное мнение, настроения и т.д. В то же время, зачастую именно элита, более остро, нежели представители других социальных общностей, ощущает происходящие в государстве различные деструктивные явления, реагируя, в том числе публично, в зависимости от сложившегося мировоззрения, граждан-

ской позиции, ценностных установок, профессиональной компетентности, собственных фрустраций и/или пережитых психотравм и т.д.

Несмотря на то, что термин «элита» этимологически восходит к значению, «лучший», «избранный», данные привилегированные представители человечества нередко оказываются не свободны от иллюзий, ошибок, заблуждений, а также от наличия у них как позитивных, так и негативных индивидуально-психологических качеств, деструктивных психических состояний, утопичных идей, призрачных намерений, низменных побуждений, актуализирующих противоправную деятельность, включая совершение преступлений. Присущая им мотивация может ограничиваться личным незаконным обогащением, созданием гарантированного обеспеченного будущего для детей и иных членов семьи («клана»), в обход существующего правового порядка. Но она может также позиционироваться внешне благородной идеей о переустройстве вверенной социальной инфраструктуры (будь это уровень государства, региона, муниципалитета), борьбе с застойными явлениями, стремлением добиться более высоких показателей деятель-

ности либо более высокого уровня жизни населения. При этом популистские обещания могут сопровождаться не только не до конца продуманными действиями, но и социально опасными и даже тяжкими последствиями. Таким образом, представителями элиты также нередко совершаются преступные деяния различной категории, общественная опасность которых (как сама по себе, так и по степени наступивших последствий) порой многократно превосходит деяния, совершенные рядовыми гражданами. Даже если ими совершаются общеуголовные преступления (например, убийства или причинения вреда здоровью на бытовой почве, нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств со смертельным исходом), зачастую они, пытаясь избежать ответственности, обращаются к услугам высококвалифицированных, но не всегда добросовестных защитников, строящих тактику защиты на приемах, сущностью которых выступает дискредитация расследования.

Основная часть

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость дальнейшего изучения элитарной преступности [1, с. 258–266]. Несомненно, современный уровень развития наук уголовно-правового цикла свидетельствует о постепенном приращении теоретического и практического знания, освещающего целый ряд актуальных направлений борьбы с преступностью и снабжающий правоприменительную деятельность ценными и креативными рекомендациями по повышению результативности расследования различных категорий преступлений. Вместе с тем, анализ этих рекомендаций позволяет сделать вывод, что они в большей степени ориентированы на расследование деяний,

совершенных рядовыми гражданами, и весьма редко подробно и пристально раскрывают особенности расследования более сложных и завуалированных разновидностей этих посягательств, к которым оказываются причастны представители элиты.

Таким образом, и в юридической науке, и в правоприменительной практике продолжает сохранять актуальность исследование такой глобальной проблемы, как элитарная преступность [2]. Под элитарной преступностью в самом общем виде нами понимаются различные по своей направленности деяния, совершенные представителями элиты. В действующем уголовном законе прямо не выделяется, как таковая, группа преступлений, субъектами которой выступают лица, причастные к российской элите.

Отдельные группы деяний (должностные преступления, электоральные преступления, преступления против мира и безопасности человечества и пр.) могут совершаться представителями элиты, исходя из самой по себе конструкции соответствующих составов норм Особенной части УК РФ (в части специального субъекта). Однако, не существует, как таковой, строгой корреляции между главами Особенной части УК РФ (как известно, отражающей, по общему правилу, родовый объект преступного посягательства) и заранее заданной принадлежностью элиты к деяниям, имеющим определенный родовый объект.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ содержит гл. 52 (раздел XVII), регламентирующую особенности производства по уголовным делам отношении отдельных категорий лиц (преимущественно, обладающих уголовно-процессуальным иммунитетом, исходя из занимаемой должности). Под правила

данной главы могут подпадать отдельные представители элиты (например, члены Совета Федерации; депутаты Государственной Думы; Президент РФ, прекративший свои полномочия, судьи Конституционного Суда РФ, Председатель Счетной палаты РФ, Уполномоченный по правам человека в РФ и пр.), однако, и здесь отсутствует строгая корреляция между представителями элиты и положениями главы. Иными словами, не все категории лиц, предусмотренные в указанной главе, могут относиться к представителям элиты (например, рядовой следователь или адвокат в провинциальной юридической консультации). Аналогичным образом, не все представители элиты могут подпадать под действия норм названной главы. Например, известные деятели науки или культуры, имеющие определенные признанные государством заслуги: ученые и почетные звания, награды, а также огромную массу последователей, почитателей их творчества, а равно журналисты, освещающие различные злободневные и резонансные события, несомненно, относятся к элите, которую можно определить как интеллектуальная или культурно-информационная элита. Но, в то же время, по общему правилу, они не обладают административными рычагами и властно-распорядительными полномочиями.

Несмотря на то, что понятие и содержание термина «элита» продолжает активно разрабатываться в рамках политологии и социологии, иных смежных наук социально-гуманитарной направленности, о чем свидетельствует множество научных трудов, посвященных этой проблеме, среди ученых отсутствует единомыслие в его понимании [3, с. 131–138; 4, с. 45–51].

Разногласия касаются как формулирования четкой дефиниции понятия

«элита», определения его свойств, признаков, критериев, так и разработки классификации представителей элиты, как по горизонтали, так и по вертикали. Оставляя решение большинства из этих вопросов специалистам непосредственно в соответствующей сфере, остановимся на них постольку, поскольку нами поставлена смежная цель — а именно, изучение элитарной преступности и разработка, по мере изучения, комплекса рекомендаций по повышению результативности борьбы с этим явлением. Ибо действующим следователям, судьям, оперативным уполномоченным необходимо разрешать поставленные перед ними задачи выявления, раскрытия, расследования, предотвращения преступлений (в том числе совершаемых представителями элиты) в реально существующих условиях, буквально «здесь и сейчас», а не ожидать завершения научной полемики (продолжающейся на протяжении десятилетий), касательно формирования названной дефиниции.

Итак, на наш взгляд, элитарная преступность, как некое множество субъектов, относящихся к привилегированным категориям общества и совершающих запрещенные уголовным законом деяния, отличающиеся спецификой механизма посягательства, объективно существует.

С помощью научного инструментария методологии отечественной криминалистики [5, с. 23–35; 6] актуализируется возможность обозначить криминалистически значимые особенности данного явления, несмотря на отсутствие заранее заданного перечня этих деяний с точки зрения уголовного закона (в чем есть своя логика, вытекающая из равенства всех перед законом и судом).

В данном случае целесообразно обратиться к потенциалу криминалисти-

ческой классификации [7, с. 5–10; 8, с. 33; 9, с. 18] как сфере криминалистического знания. Всецело базируясь на перечне преступных деяний, регламентированных Особенной частью Уголовного кодекса РФ, с помощью положений криминалистической классификации возможно выделить группу (в том числе обширную) деяний, обладающих общностью, исходя из элементов, образующих механизм преступного посягательства, но при этом не помещенную в единую главу или раздел УК РФ, а рассредоточенную по различным главам и разделам. Таким образом, несмотря на различия в родовых объектах преступного посягательства (чем объясняется нахождение деяний в различных главах и разделах Уголовного кодекса Российской Федерации), с помощью инструментария учения о криминалистической классификации можно применить более глубокий подход, отражающий общность этих деяний, исходя из их криминалистической сущности.

Механизм преступного посягательства, как известно, является сложной динамической системой, характеризующей содержательную (сущностную) сторону преступления, которое, с позиции криминалистики рассматривается в аспекте деятельностного подхода (иными словами, преступление в рамках криминалистики всегда рассматривается именно как противоправная деятельность, отображаемая в следах и иных изменениях окружающей обстановки). Элементы механизма преступления, хотя и частично совпадают с уголовно-правовой характеристикой в плане их структуры, отличаются как по содержанию, так и по направлению дальнейшего научного и практического применения. Изучение механизма преступных посягательств соответствующей группы служит необходимым этапом в фор-

мировании их криминалистической характеристики, представляющей собой научную абстракцию, отражающую выявленные коррелятивно обусловленные взаимосвязи и взаимозависимости между криминалистически значимыми элементами [10, с. 44]. В свою очередь, разработка криминалистической характеристики преступлений необходима не только для построения и проверки типичных общих и частных версий, но и планирования и непосредственного проведения различных следственных и иных процессуальных действий, учета возможных рисков, предопределенных деятельностью заинтересованных лиц по дискредитации результатов расследования, а также преодоления противодействия расследованию.

Итак, в основу криминалистической классификации определенного множества деяний может быть положена не только градация деяний по разделам и главам Уголовного кодекса РФ (уголовно-правовая квалификация), но и элементы механизма соответствующих посягательств, обладающих, с одной стороны, общностью, позволяющей их объединить, с другой стороны — спецификой, позволяющей их дифференцировать относительно деяний иных категорий. Таким образом, указанная специфическая разновидность преступности дифференцируется, прежде всего, исходя из характерных криминалистически значимых качеств субъектов посягательств [11, с. 244–251], к которым относятся привилегированные представители различных инфраструктур социума. Признавая упомянутое ранее отсутствие единообразия в определении понимания феномена элиты и характеристики ее представителей, изложим наше видение, прежде всего, применительно к разработке соответствующей криминалистической

методики расследования элитарных преступлений (а потому, не претендуя на завершение научной дискуссии исследователей элитологов).

Итак, исходя из практики борьбы с преступностью, наиболее типичными представителями элитарной преступности представляются субъекты, обладающие управленческими полномочиями, позволяющими им прямо или косвенно оказывать влияние не только на частных лиц (граждан), но и на отдельные тенденции в жизнедеятельности муниципального образования, субъекта федерации, государства в целом. К таким полномочиям относятся как государственно-властные полномочия, так и руководство крупными предприятиями и организациями (градообразующими, стратегически важными, имеющими сложную, в том числе сетевую, структуру), относящимися к так называемому негосударственному сектору экономики [12, с. 72–77; 13, с. 49–52; 14, с. 745–754]. Этим лицам можно отнести к категории административно-управленческой элиты, им в большей степени, нежели другим категориям, присуще совершение преступлений коррупционной направленности, именно они в обиходе нередко условно именуется «беловоротничковой преступностью». Наглядным примером является уголовное дело в отношении Евгении Васильевой — главы департамента имущественных отношений Министерства обороны РФ, — о хищениях в особо крупных размерах. В то же время неверным будет отождествление элитарной и коррупционной преступности. Элитарная преступность не исчерпывается коррупционной преступностью, а к коррупционным преступлениям не всегда оказываются причастны представители элиты. Итак, для представителей элитарной преступности в ад-

министративно-управленческой сфере наиболее характерно совершение преступлений коррупционной, служебной и экономической направленности.

Не менее значимую группу субъектов представляют лица, относящиеся к политической элите. К ним следует отнести представителей законодательной власти: членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы, депутатов органа государственной власти на уровне субъектов федерации, депутатов органов местного самоуправления и пр. Для этих субъектов, наряду с коррупцией, также наиболее характерны электоральные преступления (совершаемые в связи с функционированием избирательной системы и проведением выборов в различные органы власти). Кроме того, в структуре политической элиты, наряду с правящей элитой, также имманентно присутствует оппозиция, включая контрэлиту. Напомним, что под контрэлитой понимаются лица, гражданская позиция которых реализуется в борьбе за вхождение в состав действующей элиты, либо за создание новой элиты, за приход к власти, с последующей передачей власти иным заинтересованным лицам, либо без таковой. В современных условиях осложнения политической обстановки, усиливающейся международной кризисом, активизируются экстремистские посягательства агитационного характера, к которым нередко на более высоком уровне иерархии оказываются причастны (порой — латентно) представители оппозиционных элит, их ближайшее идеологическое окружение, а также отдельные либерально ориентированные представители интеллектуальной элиты.

Конфликт интересов (на почве как политических разногласий, так и негласно контролируемых представителями власти экономических тенденций), возникающий между лицами, относя-

щимися к правящей элите (то есть внутри элиты), либо к правящей элите и оппозиции, к правящей элите и независимой творческой интеллигенции, а равно между иными представителями элиты, как показывает даже недавняя история, может реализоваться не только в показательной дискредитации конкурентов, но и в заказных убийствах.

Ярким примером выступает производство расследования по факту убийства в 1998 г. депутата Государственной Думы Галины Старовойтовой, чья гражданская позиция (законопроекты, в том числе касающиеся государственного бюджета, принципиальные и бесстрашные выступления, готовность возглавить высшие посты в государственной иерархии) вызывала неприятие ряда политических оппонентов. Расследование по делу об убийстве Г.В. Старовойтовой продолжалось не одно десятилетие. Не сразу был установлен круг исполнителей и организатор непосредственного убийства (руководящего деятельностью исполнителей), поскольку совершению убийства предшествовала тщательная подготовка: продолжительное по времени и почти круглосуточное наблюдение за жертвой с подробным изучением ее образа жизни, перемещениями, в том числе на дальние расстояния по служебным вопросам; непосредственно перед убийством в подъезде жилого дома были ликвидированы средства видеонаблюдения, а внешний вид убийц был замаскирован путем использования женского пальто, парика, макияжа, что поначалу позволило ввести в заблуждение следственные органы относительно характеристики субъектов убийства. Лишь в 2014 г. было предъявлено обвинение бывшему депутату от ЛДПР М. Глуценко как одному из организаторов этого преступления на более высоком уровне

иерархии. Данный представитель политической элиты одновременно являлся одним из лидеров тамбовского преступного сообщества, и незадолго до привлечения к ответственности за убийство Г. Старовойтовой был осужден за вымогательство. Заключив досудебное соглашение о сотрудничестве со следствием в 2015 г., он дал подробные показания относительно обстоятельств организации убийства, включая заказчиков преступления. Благодаря этому в 2019 г. было предъявлено обвинение санкт-петербургскому криминальному авторитету, руководителю тамбовского преступного сообщества (известному также как «ночной губернатор Санкт-Петербурга») В. Барсукову (Кумарину), по совместительству — одному из руководителей санкт-петербургского нефтяного бизнеса, кроме того, некоторое время являвшемуся помощником депутата А. Невзорова.

Приведенный пример резонансного убийства, совершенного в отношении представителя элиты и с участием представителей элиты, разумеется, не является единичным случаем. Скорее, он наглядно показывает как интеграцию отдельных представителей элиты в криминальные структуры, так и сложные взаимоотношения между представителями элиты, выступающими политическими или идеологическими оппонентами, латентными руководителями бизнеса, которые свидетельствуют о специфическом самовыражении через стремление к расширению авторитета, установлению контроля за функционированием какой-либо социальной сферы и т.д. Однако, среди мероприятий по усилению собственного влияния не исключается реализация методов по физическому устранению иных представителей элиты — политических или иных конкурентов. При этом, нередко

представители официально правящей элиты взаимодействуют с авторитетами в сфере криминала, образно говоря, по принципу «сообщающихся сосудов». Не удивительно, что, несмотря на зачастую резонансный характер преступлений, совершаемых с участием представителей элиты в отношении иных представителей элиты, расследование по ним может продолжаться долгие годы, сопровождаться активным противодействием и так не привести к должным результатам.

Выводы и заключение

Резюмируя изложенное, констатируем, что под элитарными преступлениями мы понимаем деяния, совершенные представителями высших социальных групп в социальной иерархии, которые могут быть дифференцированы на административно-управленческую элиту, политическую элиту, интеллектуальную и культурно-информационную элиту. Наиболее типичными категориями преступлений, совершаемыми указанными лицами, являются хищения в крупных и особо крупных размерах, иные преступления в сфере экономики; преступления коррупционной направленности и иные посягательства против службы; электоральные преступления; преступления против мира и безопасности человечества; преступления, связанные с пропагандой экстремизма, а

также насильственные посягательства на жизнь и здоровье личности, мотивированные устранением иных представителей элиты — политических или иных оппонентов. С позиции инструментария учения о криминалистической характеристике преступлений необходимы дальнейшие исследования, актуализирующие возможность выявления коррелятивных взаимосвязей: между специфическими особенностями указанных субъектов преступных посягательств, потерпевших (при наличии), реализуемыми ими способами преступлений и иными криминалистически значимыми условиями обстановки преступления. Независимо от категорий преступлений, совершаемых представителями элиты, этим деяниям зачастую присущи сложные и завуалированные формы (способы) совершения, а расследование по ним осложняется активным и разнообразным противодействием: от юридически эффективных, но не вполне добросовестных действий престижных в элитарных кругах адвокатов, подкупа свидетелей и/или давления на них, до физической расправы с неугодными лицами. Приведенные доводы, на наш взгляд, указывают на настоятельную потребность формирования комплексной криминалистической методики расследования элитарных преступлений, что мы намереваемся осуществить в последующих исследованиях.

Список использованной литературы

1. Идрисова С.Ф. Современный концепт элитарной преступности / С.Ф. Идрисова. — EDN NWGEBX // Актуальные проблемы российского права. — 2010. — № 1. — С. 258–266.
2. Идрисова С.Ф. Элитарная преступность как социальный феномен : дисс. ... д-ра. социол. наук : 22.00.04 / С.Ф. Идрисова. — Екатеринбург, 2012. — 60 с.
3. Элита: к вопросу о понятии / В.К. Кривореченко, А.Н. Мацуев, А.Д. Плотников, Ж.С. Сыздыкова // Государство и гражданское общество: политика, экономика, право. — 2012. — № 3. — С. 131 — 138.
4. Мацуев А.Н. Еще раз к вопросу о понятии «элита» / А.Н. Мацуев, А.Д. Плотников. — EDN PXACYZ // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 4. — С. 45–51.

5. Варданян А.В. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений / А.В. Варданян, О.П. Грибунов. — EDN ZBAXHN // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2017. — № 2. — С. 23–35.

6. Коновалов С.И. Актуальные проблемы теории и методологии криминалистики : монография / С.И. Коновалов. — Ростов-на-Дону : Изд-во Донского юридического института, 2010. — 157 с. — EDN QSBEAF.

7. Варданян А.В. Криминалистические классификации преступлений и их системообразующая роль в формировании частных криминалистических методик расследования преступлений как научно обоснованных комплексов криминалистических рекомендаций / А.В. Варданян, Р.В. Кулешов. — EDN UNLFEV // Российский следователь. — 2015. — № 21. — С. 5–10.

8. Головин А.Ю. Базовые криминалистические классификации преступлений / А.Ю. Головин. — EDN RBWVEJ // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2013. — № 2-2. — С. 31–40.

9. Яблоков Н.П. Совершенствование криминалистической классификации преступлений в методике расследования / Н.П. Яблоков // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 1988. — № 2. — С. 18.

10. Головин А.Ю. Криминалистическая характеристика преступлений как категория современной криминалистики / А.Ю. Головин. — EDN PZZUKT // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2012. — № 1-2. — С. 43–55.

11. Варданян А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции / А.В. Варданян. — DOI 10.17150/1996-7756.2016.10(2).244-251. — EDN WKESH // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 2. — С. 244–251.

12. Варданян А.В. Должностные преступления в сфере экономики как объект криминалистического научного анализа / А.В. Vardanyan, O.V. Aivazova. — EDN YHZOGD // Труды Академии управления МВД России. — 2017. — № 1. — С. 72–77.

13. Варданян А.В., Гончаров К.В. Злоупотребление управленческими полномочиями в коммерческой или иной организации: опыт правоприменительной практики и некоторые проблемы возбуждения уголовного дела и предварительного расследования / А.В. Варданян, К.В. Гончаров. — EDN UACOEJ // Юрист-Правовед. — 2015. — № 2. — С. 49–52.

14. Варданян А.В. Криминалистический анализ субъектов преступлений, связанных с воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности, как фактор повышения результативности расследования / А.В. Варданян, В.В. Казаков. — DOI 10.17150/1996-7756.2015.9(4).745-754. — EDN VAWFQF // Всероссийский криминологический журнал. — 2015. — Т. 9, № 4. — С. 745–754.

References

1. Idrisova S.F. Modern Concept of Elite Crime. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2010, no. 1, pp. 258–266. (In Russian). EDN: NWGEBX.

2. Idrisova S.F. *Elite Crime as a Social Phenomenon. Doct. Diss.* Ekaterinburg, Saratov, 2012. 60 p.

3. Krivorechenko V.K., Matsuev A.N., Plotnikov A.D., Syzdykova Zh.S. The Elite: To the Question of the Concept. *Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = State and Civil Society: Politics, Economics, Law*, 2012, no. 3, pp. 131–138. (In Russian).

4. Matsuev A.N., Plotnikov A.D. The Concept «Elite» Revisited. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2012, no. 4, pp. 45–51. (In Russian). EDN: PXACYZ.

5. Vardanyan A.V., Gribunov O.P. The Modern Doctrine of Methodical-Criminalistic Support of an Investigation of Certain Types of Crimes. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2017, no. 2, pp. 23–35. (In Russian). EDN: ZBAXHN.

6. Kononov S.I. *Topical Issues of the Theory and Methodology of Criminalistics*. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Donskogo Yuridicheskogo Instituta Publ., 2010. 157 p. EDN: QSBEAF.

7. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. Criminalistic Classifications of Crimes and their Backbone Role in Formation of Private Criminalistic Techniques of Crime Investigation as Scientifically-Grounded Sets of Criminalistic Recommendations. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2015, no. 21, pp. 5–10. (In Russian). EDN: UNLFEV.

8. Golovin A.Yu. Basic Forensic Classification of Crimes. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Izvestiya of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2013, no. 2-2, pp. 31–40. (In Russian). EDN: RBWVEJ.

9. Yablokov N.P. Improving the Forensic Classification of Crimes in the Investigation Methodology. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Moscow University Law Bulletin*, 1988, no. 2, pp. 18. (In Russian).

10. Golovin A.Yu. Forensic Characteristics of Crime as a Category of Modern Criminalistics. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Izvestiya of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2012, no. 1-2, pp. 43–55. (In Russian). EDN: PZZUKT.

11. Vardanyan A.V. The Subject of Crime and the Personality of a Criminal as Interdisciplinary Categories in Criminal Law Sciences: Issues of Correlation and Integration. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 244–251. (In Russian). EDN: WKESH. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(2).244-251.

12. Vardanyan A.V., Aivazova O.V. Official Malfeasance in Economic Domain as Topic of Forensic Science. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2017, no. 1, pp. 72–77. (In Russian). EDN: YHZOGD.

13. Vardanyan A.V., Goncharov K.V. The Abuse by Managerial Authority in the Commercial or Other Organization: The Experience of Law Enforcement Practice and Some Problems of Criminal Proceedings Initiation and Preliminary Investigation. *Yurist-Pravoved = Lawyer-Legal Scholar*, 2015, no. 2, pp. 49–52. (In Russian). EDN: UACOEJ.

14. Vardanyan A.V. Criminalistic Analysis of Individuals Obstructing Lawful Entrepreneurial or Other Business Activities as a Factor of Improving Investigation Efficiency. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2015, vol. 9, no. 4, pp. 745–754. (In Russian).

Информация об авторе

Григорян Давид Кромвелович — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности, Ростовский юридический институт МВД России, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Author Information

Grigoryan, David K. — Ph.D. in Political Science, Ass. Professor, Chair of Criminalistics and Operative Search Activities, Rostov Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Rostov-on-Don, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 10.03.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.03.2023

Принята к публикации / Accepted 06.06.2023

Дата онлайн-размещения / Available online 13.06.2023